

Александр Гордин

ЯВЬ

Хроники рунного времени

ТОМ II. РУНА ПАДАЮЩИХ ЗВЁЗД

18+

ЯВЬ. ХРОНИКИ РУННОГО ВРЕМЕНИ

Александр Гордин

**ЯВЬ: Том 2. РУНА ПАДАЮЩИХ
ЗВЁЗД / Хроники рунного времени**

«Автор»

2026

Гордин А.

ЯВЬ: Том 2. РУНА ПАДАЮЩИХ ЗВЁЗД / Хроники рунного времени / А. Гордин — «Автор», 2026 — (ЯВЬ. ХРОНИКИ РУННОГО ВРЕМЕНИ)

«Руна падающих звёзд» — вторая книга серии «ЯВЬ. Хроники рунного времени»: роман славянского фэнтези с путешествием в дохристианскую Русь IX века: история о любви, родовой памяти и борьбе с Мороком — древним богом лжи, похоти и порока, который пытается прорваться в Явь — мир живых... После событий первой книги Настя возвращается в магическую Академию, скрытую в лесах под Муромом, но след пропавшей матери ведёт её и Артёма гораздо дальше — в IX век, где древняя Русь ещё полна живой силы, а ошибка в магии времени может стоить самой личности. Чтобы понять, как много веков назад сдерживали Морока, им придётся пройти через чужую эпоху, в которой опасны не только люди, но и сама ткань мира. На их пути — дружины, древние святилища, охота из настоящего, мудрейший дракон Змей Горыныч и небесная катастрофа, способная навсегда изменить Явь. Чем ближе разгадка, тем яснее: назад могут вернуться уже не все.

© Гордин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ранее в цикле	5
Пролог. Янтарный след	8
Глава 1. Набат над Академией	11
Глава 2.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Гордин

ЯВЬ: Том 2. РУНА ПАДАЮЩИХ ЗВЁЗД / Хроники рунного времени

Ранее в цикле

Цикл «ЯВЬ» рассказывает о нашем мире, где древние силы, родовая память, магия и любовь связаны с переходами во времени и с борьбой за границу между Явью — миром живых — и Навью, тёмной изнанкой мира.

В этом мире магическая сила скрыто присутствует в каждом человеке, но пробуждается не у всех и не всегда. Многие маги способны лишь чувствовать отголоски иных времён или ненадолго заглядывать в них, но настоящие переходы доступны немногим и требуют редкой силы и особых артефактов.

В первой книге Настя, студентка-археолог, возвращается из Москвы в Муромский лес — на место, где десять лет назад исчезла её мать, очень сильный маг, исследовавшая временные аномалии. Позже становится ясно: её исчезновение не было случайным — она сама ушла, пытаясь найти ответ на вопрос, как закрыть Мороку — древнему богу лжи и порока — выход в Явь.

Новые раскопки пробуждают древний алтарный камень временных переходов, и в жизнь Насти приходят видения, сбой времени и след этой тёмной силы.

Вместе с Артёмом, которого она любит, Настя узнаёт, что история её семьи связана с куда более древним конфликтом, чем казалось раньше. Одновременно пробуждается и магическая сила самого Артёма, и это меняет не только их собственную судьбу, но и судьбы многих людей рядом с ними.

Очень скоро герои оказываются втянуты в борьбу за тайные знания, древние узлы силы и право не дать Мороку глубже войти в мир людей.

Этот путь приводит их в скрытую Академию магии, где Настя и Артём узнают о природе своих способностей, цене переходов, родовых артефактах и о том, что любовь может быть не только чувством, но и силой удержания во времени.

К концу первой книги становится ясно, что ответ нужно искать не только в настоящем: след пропавшей матери уходит в глубь веков, к ранней Руси IX века, где уже шла борьба с Мороком и где были сделаны первые попытки защитить Явь от его более полного вхождения в мир людей.

Настя получает ключ для перехода в IX век, Артём открывает собственную родовую линию, и перед ними встаёт новая задача: идти в прошлое, чтобы понять, где началась эта история и почему её последствия дошли до настоящего.

Подробно эти события раскрыты в первом романе цикла — здесь, во второй книге, история продолжается походом в IX век Древней Руси, где магия была частью обыденной жизни...

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

Явь — мир живых.

Навь — мир мёртвых и духов.

Правь — космический закон, принцип баланса. Не бог, не сила для использования — это то, что удерживает систему от распада.

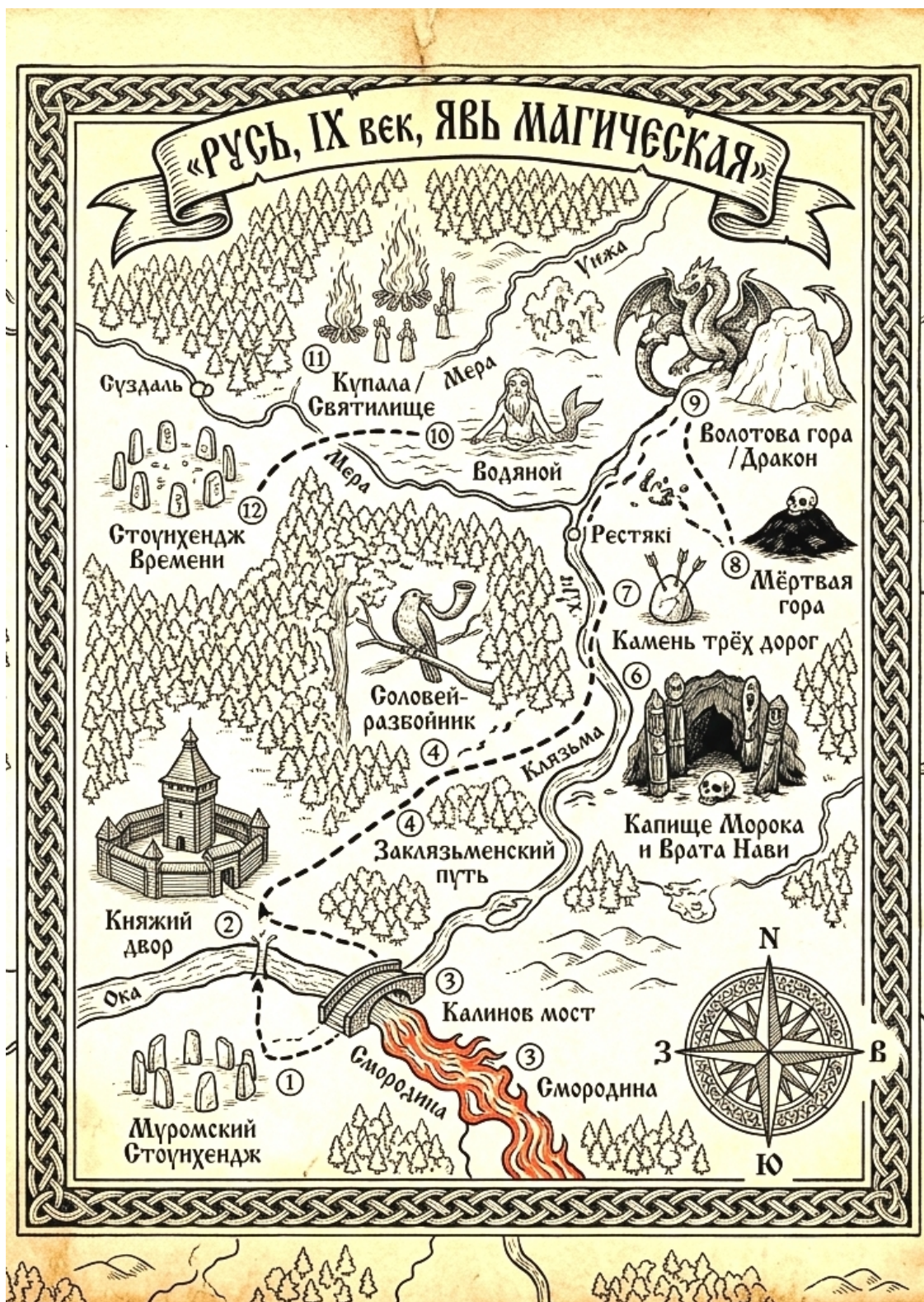
Морок — древний бог лжи и порока, живущий на границе Яви и Нави. Питается ложью людей, страхом, страстью, гневом и жадной властью.

Врата Нави— древняя печать на границе Яви и Нави, через которую Морок пытается пролавить выход в мир живых.

Временные узлы— редкие места и артефакты, через которые возможны глубокие переходы во времени.

Ключ эпохи— артефакт, позволяющий направить переход в нужное время.

Амулет— личный артефакт удержания, помогающий не потеряться при переходе.

Пролог. Янтарный след

Ночь над Русью стояла ясная, почти праздничная.

Над рекой лежал лёгкий серебряный туман, на дальних холмах белели берёзы, в чёрной воде дрожали звёзды, и даже лес дышал спокойно и широко — так, будто сама Явь здесь была молода, сильна и светла. Но на высоком берегу, где среди редких сосен темнело капище Морока, всё менялось сразу. Трава там росла жёсткая, тусклая. Воздух пах не талой землёй, а сырым камнем. И птицы, ещё перекликавшиеся у реки, сюда не залетали.

В самом центре капища лежали Врата Нави — огромный круглый камень, вросший в землю, толстый, тяжёлый, будто им когда-то накрыли древний колодец. По его краю шла узкая трещина. Сейчас она светилась изнутри мутным зеленоватым светом, и от этого камень казался не мёртвым, а больным.

Вокруг Врат стояли тёмные идолы — грубо вытесанные, тяжёлые, с нарочито мужскими, фаллическими очертаниями. Не хранители, а немые столбы чужой власти.

У самого круга вместе с жрицами стояла мать Насти — сильный маг, ушедшая так далеко в прошлое, что обратный путь для неё был почти закрыт. Ещё двое служителей держали чаши с магическими составами и особой золой у чёрных столбов по краю капища. От каменного круга Врат тянуло тяжёлым жаром, но страшнее было другое: снизу, из-под печати, в границу Яви давила чужая воля. Не удар, не гул — ровное, терпеливое давление, будто кто-то бесконечно испытывал древнюю преграду на прочность.

Старший жрец воздел руки и произнёс слова печати, пытаясь снова стянуть Врата.

Зелёный свет в трещине дрогнул.

И сразу стало ясно: снизу давят снова.

Нет, не в лоб, не грубой силой — так Морок не приходил. Сначала одна из жриц вдруг поверила, что камень остывает. Молодому служителю у края показалось другое: будто трещина начала зарастать и его черёд настал раньше. Он шагнул к Вратам с тем покорным, светлым лицом, какое бывает у человека, принявшего чужую ложь за собственную верную мысль.

Мать Насти поняла это раньше остальных.

— Стой!

Но он уже сорвался с места.

То, что было у него в руках, должно было лечь на Врата позже, в точно положенный миг. Он ошибся на одно движение, и этого хватило. Свет рванул из трещины вверх. Круглый камень Врат дрогнул, будто снизу в него толкнулись плечом. Из приоткрывшейся щели дохнуло холодом — сырым, глубоким, не ночным, а подземным, как из места, где живое не держится.

Служителя отбросило в сторону. Одна из жриц сбилась. Ритуальный круг распался.

Мать Насти шагнула на пустое место и прижала ладони к раскалённому краю Врат. Жар пробил руки до плеч.

Снизу сразу потянулось знакомое, почти ласковое: отпусти, хватит, ты и так слишком долго держалась. Оно говорило её усталостью, её страхом, её памятью. Показывало дочь — маленькую, далёкую, живую. Обещало не гибель даже, а облегчение.

В этом и была ложь.

Она узнала её по бережности.

— Не тебе решать, что мне отпускать, — выдохнула женщина.

Остальные жрицы сомкнули круг снова. Свет в трещине ещё раз дёрнулся — зло, больно — и начал стягиваться назад. Не до конца. Не навсегда. Но достаточно, чтобы чужая воля опять отошла вниз, под камень Врат, под старую печать.

Когда всё кончилось, женщина уже стояла на коленях и не помнила, как опустилась.

* * *

Её отвели в маленький сруб за краем капища. В нём старший жрец положил перед ней берестяные дощечки — записи о прежних прорывах Морока в Явь.

Пожары. Мор. Усобицы. Небесные огни. Люди потом помнили эти беды как разные, но узор был один.

Сначала слабела местная печать на Вратах. Потом Морок начинал медленно просачиваться к людям. А после приходила ещё одна беда: накопленное давление срывало Врата, и его сила прорывалась в Явь уже открыто.

Мать Насти долго смотрела на дощечки, пытаясь уловить в записях главное. Пальцы замерли на бересте. Потом она медленно подняла взгляд.

— Вы всё время чините там, где уже трещит, — сказала она тихо. — И только копите новую силу под камнем.

Старший жрец не перебивал.

Она ещё несколько мгновений молчала, словно сама проверяя собственную мысль на прочность.

— Так можно только отсрочить беду, — сказала она наконец. — Если Врата запечатать наглухо, сила Морока под ними будет только копиться и давить всё сильнее. Рано или поздно печать не выдержит, и прорыв всё равно случится — только уже не малый. Тогда в Явь войдёт великое бедствие, и люди запомнят лишь страх, смерть и разорение. Надо найти другой путь.

Старший жрец долго смотрел на неё без спора.

— Значит, тебе придётся идти дальше, чтобы найти его, — сказал он наконец. — Назад дороги у тебя всё равно нет.

Женщина машинально коснулась шеи.

— Я пришла без амулета, — подтвердила она. — Оставила дочери.

— И ключа своей эпохи у тебя с собой тоже нет, — добавил жрец. — Потому обратный переход для тебя, по сути, закрыт. Остаётся довериться только случаю: в какое время тебя выбросит узел.

Перед глазами встало лицо дочери — так ясно, будто маленькая Настя только что тянула к ней руки и просила не уходить далеко. Пришлось задержать дыхание.

— Тогда я должна оставить ей след.

Младшая жрица принесла янтарную подвеску. Камень был тёплый, мутно-золотой. Мать Насти провела кинжалом по обожжённой ладони, уронила каплю крови на янтарь, произнесла слова печати и на миг накрыла камень пальцами так бережно, будто касалась дочери, а не вещи. Она оставила в янтаре не имя и не знак — только след, по которому дочь когда-нибудь сможет прийти сюда.

Камень тихо потеплел.

— Теперь она сможет найти не тебя, — сказал старший жрец, — а твою дорогу.

* * *

В день осеннего равноденствия жрецы отвели её на север к другому узлу времени — глухому, древнему и более слабому, чем великий алтарный камень, но всё ещё способному открыть переход. На рассвете они совершили короткий обряд, чтобы уберечь её от чужой нити судьбы и открыть переход. Воздух над камнем дрогнул, будто само время на миг стало тоньше.

— Это будет не точный путь, — напомнил старший жрец. — Только резонанс. Куда ближе вынесет, туда и уйдёшь.

— Знаю. Спасибо вам за помощь.

Страх почти не осталось. Только Настя — и глухое, почти невыносимое желание хоть раз ещё поправить ей волосы со лба, прежде чем уйти. Но путь вперёд был важнее возвращения. Женщина кивнула, не оборачиваясь, и шагнула в открывшееся окно перехода.

Оно сомкнулось за ней сразу, без вспышки.

Только янтарь в ладони младшей жрицы ещё несколько мгновений тлел золотом — тонкой живой нитью вперёд, через годы, к дочери...

Глава 1. Набат над Академией

Наше время. Академия магии, скрытая от посторонних в лесах под Муромом.

Тихон не собирался красть Свод.

Берестяной Свод о сильных временных узлах в России — редких местах и артефактах, через которые можно было уходить в разные времена глубже обычного, — нельзя было даже брать с полки без старшего хранителя Академии. Тихон знал это лучше многих: записывал, кто входил в особую секцию Хранилища, следил за печатями, проверял шнуры на древних свитках. Он прожил среди них столько лет, что береста порой казалась ему старой, строгой роднёй.

И всё равно этой ночью он снял Свод с полки.

В Хранилище было сухо, прохладно и тихо. Пахло воском, пылью, железом замков и старой берестой. За маленьким оконцем только начинал сереть рассвет. Самое время было закрыть ночную запись, погасить лампу и уйти хоть ненадолго поспать. Тихон понимал это. Но стоял у полки и смотрел на собственные пальцы, будто это были уже не его руки.

Шёпот в голове не давил. Не ломал. Он звучал почти ласково — и от этого было страшнее.

Всего один свод, говорил он. Только вынести. Только передать. Потом станет легче.

После прошлого лета с ним такое бывало всё чаще: бессонница, ломота в висках, глухая тяжесть в голове, ощущение, будто за спиной кто-то стоит и пристально наблюдает. Иногда ему казалось, что он слышит свои мысли на чужом языке. Иногда — что самые простые из них вдруг становятся чужими.

Он никому не сказал. Стыдно было. Младший хранитель, называется.

Всего один свод, повторил шёпот. Тебе же будет легче.

И в ту же минуту Тихон понял самое страшное: шёпот не врал. Стоило ему только потянуться к нужной полке, тяжесть в голове и правда чуть отпускала. На миг. На полвздоха. Но этого хватило.

Пальцы сами нашли промасленную ткань. Сами вынули свитки. Сами стянули их шнуром.

Магическая защита Хранилища была поставлена против чужих, против взлома, против грубой руки и дурной воли. Но Тихон не ломал замки. Не рвал печати силой. Хранилище знало его шаг, его прикосновение, тепло его ладони. Он прошёл внутрь как свой — и вынес Свод как свой. Морок не взламывал защиту. Он использовал человека, которого она обязана была признавать.

От этой мысли Тихона мутило.

Сторожевой знак на внутреннем косяке выхода вспыхнул и сразу погас, будто сам себе не поверил.

От этого стало ещё хуже.

— Нет... — прошептал Тихон, но руки уже спрятали свод под полой кафтана.

Он шагнул к двери — и в тот же миг где-то глубоко внутри Хранилища будто что-то спохватилось. Не звук. Не удар. Просто внезапное, холодное понимание: пропажу заметили. Не на полке. На выходе. Слишком поздно, чтобы остановить, но вовремя, чтобы поднять тревогу.

Тихон замер.

Потом бросился прочь к воротам Академии.

Утро было мартовское, сырое, серое. Пахло ранней весной, талым снегом и дымом из кухонной печи. Академия ещё только начинала просыпаться. Кто-то закашлялся в соседнем тереме. Всё было обычным. До обидного обычным.

Только Свод под кафтаном казался раскалённым.

Тихон успел проскочить между Хранилищем и пустой беседкой, свернуть к яблоням и уже почти добежать до заднего мостка, когда над Академией наконец ударил набат.

Он вздрогнул так сильно, что едва не выронил свитки.

Второй удар разодрал рассвет надвое.

— Нет, — выдохнул Тихон и рванул через магические врата в Зачарованный лес.

Успел проскочить. Но его уже заметили.

Третий удар поднял Академию на ноги и запечатал врата.

* * *

Настя проснулась от набата и сразу поняла: это не учебная тревога.

Так не били для сбора. Так не поднимали бы даже из-за пожара. Набат шёл короткими, жёсткими ударами, будто кто-то ломился в ворота кулаком. Настя села на постели, ещё не проснувшись до конца, и в первое мгновение почему-то подумала о матери. Так было всегда: любая беда сперва отзывалась мыслью о матери.

Она вскочила, натянула штаны, свитер, на ходу сунула ноги в ботинки. Амулет на груди был тёплым, как всегда. Только сегодня в этом тепле не было покоя.

В коридоре уже хлопали двери. Кто-то бежал к лестнице, кто-то ругался вполголоса, дёргая непослушный рукав.

Во дворе пахло мокрым деревом, золой, талой водой под настом и тревогой — острой, почти железной. Среди поднятых по тревоге Настя сразу увидела Артёма. Он стоял вместе со всеми, уже одетый, собранный, с тем жёстким лицом, которое у него бывало только перед настоящей опасностью.

У крыльца Хранилища собирались наставники. Бледный Велимудр стоял прямо, как столб, но первым заговорил не он. Вперёд вышла Радомира.

Взволнованная, но собранная до жёсткости, она не повышала голос — и всё равно двор затих мгновенно.

— Слушать всем, — сказала она. — Из Хранилища вынесли один из самых опасных хранимых артефактов. Тот, кто его унёс, уже в Зачарованном лесу. Наставникам срочно накинуть большой полог. Гамаюнов — в небо на поиски. Домовым — по теремам и дворам, никого без приказа не выпускать. Остальным собраться у Дуба и ждать указаний.

Вот теперь по ученикам прошёл настоящий гул.

Большой полог поднимали редко. Не тот обычный, что скрывал Академию от случайных глаз, а особый — тяжёлый, глубокий, уходящий далеко в лес. Под ним магия чащи начинала работать на полную силу: тропы путали чужих, деревья теснились плотнее, а лесные обитатели не подпускали пришлых к границе. Если накидывали именно его, значит, речь шла о настоящей угрозе.

Над крышами тут же взмыли гамаюны — тяжёлые тени вещих птиц с широкими крыльями. Домовые серыми струйками шмыгнули по подвалам и вдоль стен. Над Академией и краем Зачарованного леса на один удар сердца раскрылся светящийся свод — весь в рассыпанных звёздных искрах, будто кто-то на секунду зажёг в небе древний узор. Потом он погас, ушёл в невидимость, и лес сразу отозвался глухо, протяжно, как живой. А на Дубе посреди Академии на золотой цепи застыл Кот-Учёный, всматриваясь своими зелёными глазами вдаль.

Велимудр шагнул на крыльцо Хранилища и добавил уже как главный хранитель знаний:

— Вынесен не просто древний свиток. Это Свод, где отмечены самые сильные временные узлы в России для самых глубоких переходов во времени.

На секунду Настя будто оглохла.

Она видела этот Свод всего единожды — недолго, из-за плеча хранителя. Берестяные листы с древними отметками, схемами и путями. Свод показывал сильные узлы временных переходов и то, как они скрыты от человеческого взгляда. Если потерять его, путь в глубокое прошлое резко сужался почти до одного алтарного камня, который они с Артёмом нашли в прошлом году. Ещё несколько узлов лично знал Велимудр. Всё остальное было записано здесь.

— Кто вынес? — спросил один из учеников.

— Тихон, — сказала Радомира. — На эту кражу сработала магическая стража, но с запозданием — он же свой. Сейчас он идёт к внешней границе Зачарованного леса.

У Насти внутри похолодело. Тихон не был сильным. Не был храбрым. Но он всегда был надёжным — из тех людей, на которых по-настоящему и держится порядок. Наверное, именно этим он Насте и нравился. После прошлого лета, после того как Морок дотянулся до Академии из-за Настиной оплошности, он осунулся, стал тише, дёрганнее. Настя это видела. И каждый раз, замечая, чувствовала глухую вину: если бы тогда не её тёмный ритуал, Тихон, может быть, и не шёл бы сейчас через лес, неся в руках то, к чему не должен был прикасаться.

— Он один? — спросил кто-то рядом.

— Пока да, — коротко ответила Радомира. — Но если Свод тянут к внешней границе, значит там его ждут.

И вот это ударило по-настоящему.

Если Свод уйдёт, идти по следам матери станет тяжелее — почти вслепую. Но дело было уже не только в ней. Без Свода Академия ослепнет: сильные узлы придётся снова искать на ощупь, теряя время и людей. А если до него дотянутся спецслужбы, они превратят знание в рычаг и начнут решать, кому вообще позволено подходить к таким артефактам.

Значит, её поиск матери уже перестал быть частным делом.

Он давно врос в большую войну.

* * *

Настя дождалась, пока Радомире снова начали задавать вопросы, и пробралась к Артёму сквозь общий гул.

— Даже не начинай, — отрезал он сразу.

— Поздно.

— Нам запретили выходить.

— А Свод всё равно уносят.

Он на миг прикрыл глаза.

— Я всё равно пойду, — раздражённо ответила Настя.

— Одна не пойдёшь.

Они вышли из толпы и как можно более незаметно направились к главным воротам, пока двор жил тревогой, командами и бегущими поручениями.

Охранный рисунок на воротах светился белым. Настя шагнула первой и приложила к нему запястье с руной. Створки даже не дрогнули. Артём коснулся сам, шепнул пропускное слово — без толку. Белая вязь в виде Древа знаний вспыхнула ярче и тут же погасла.

— Не выпускает, — коротко констатировал он.

Настя стиснула зубы.

— Значит, пойдём вдоль стены.

— Куда именно?

— Туда, где пустит. Вдруг получится.

Это было почти безумием, но в Академии такие вещи случались. Пространство здесь не стояло на месте: проход мог исчезнуть, мог появиться не там, где был вчера, и никто не удивлялся этому до конца. Только сейчас всё было иначе. Сейчас они не ждали милости — они шли наперекор прямому приказу.

Они быстро двинулись вдоль белокаменной стены направо, стараясь быть неприметными. В глубине двора всё ещё гудел общий сбор, а снаружи над лесом натягивался большой магический полог. Настя уже собиралась выругаться, когда камень на совершенно гладкой на вид стене вдруг дрогнул.

Не треснул — именно дрогнул, как живая плоть. Потом по кладке прошла тонкая рябь. А затем белый камень разошёлся с лёгким треском, открывая узкий и низкий проход под стеной наружу — на лесную тропу.

— Кажется, нам дают зелёный свет, — воскликнула Настя.

— Да, — ответил Артём. — Похоже, у Академии насчёт этого запрета своё мнение.

Он первым шагнул к проходу, проверил — не видит ли их кто, потом обернулся к ней.

— Если идём, то без глупостей.

Несмотря ни на что, Настя едва не усмехнулась.

— Я постараюсь хотя бы часть глупостей оставить на потом.

— Уже лучше.

И они нырнули в открывшийся проход, прежде чем стена снова сомкнулась.

* * *

Под пологом лес всегда был другим. Живым. Внимательным. Но сегодня он казался невероятно собранным, как перед дракой.

Они шли быстро, почти не разговаривая. Между старыми елями и соснами, через открытые пригорки, через влажные низины, орешник и тёмные овражки, где пахло чёрной землёй и ещё лежал снег. Настя всё время ловила себя на том, что слушает не ушами — всем телом. Амулет на груди то теплел, то холодел, будто тоже искал направление.

На развилке Артём вдруг поднял руку.

Впереди, на поваленном стволе, мелькнул золотой хвост.

Злата.

Маленькая, стремительная, с острыми ушками и цепкими лапками, белка сидела боком и смотрела на них слишком разумно для обычного зверька. Потом дёрнула хвостом и быстро сказала:

— Не туда. За мной, быстро.

И сорвалась с места раньше, чем Настя успела ответить.

Злата больше не останавливалась, только время от времени вспыхивала впереди золотым пятном — на ветке, на камне, за валежиной, — и всякий раз уводила их туда, где было суше, короче и чище. Лес помогал Академии не словами, а ходом, веткой, тропой.

Где-то справа послышался треск веток. Потом короткая злая ругань. Потом — будто кто-то в сердцах шарахнул палкой по стволу.

Артём сразу обернулся на звук, весь подобрившись.

— Не останавливаемся, — тихо сказал он. — Лес уже кого-то крутит по кругу.

Настя ничего не сказала, но внутри стало чуть легче. Хорошо было осознавать, что лес сегодня за них.

У развилки над оврагом они нашли следы: глубокие отпечатки в талой грязи, обломанную ветку орешника и клочок серой ткани на колючке. Настя коснулась его пальцами и сразу почувствовала липкий холод.

Страх. Усталость. Бессонница.

И что-то ещё — сладковатое, гнилое, чужое.

— Тихон совсем плох, — тихо сказала она.

Руна на её запястье разгорелась жаром, хоть и не жгла, но ясно давала знать: след живой, свежий, и тянет от него Мороком. Настя убрала руку и вытерла пальцы о штанину. Сладковатый привкус чужого остался.

— Значит, он уже не держит темп, — ответил Артём. — Должны успеть.

Они ускорились.

* * *

Граница Зачарованного леса, накрытого пологом, всегда выглядела обманчиво просто: лес, переходящий в опушку, редкие стволы, разбитая грунтовка, за ней поле и обычный человеческий мир. Но разницу чувствовали сразу: здесь воздух был плотнее, живее, напитан магией; там — пустой, выхолощенный, техногенный.

Тихон стоял у самой границы.

Лицо землистое, волосы прилипли ко лбу, руки дрожат. Под полой кафтана — свёрток в промасленной ткани. Он всё время оглядывался: то в лес, то на дорогу.

А дорога уже не была пустой.

Под одинокой елью у старого тёмного внедорожника без знаков появились двое в гражданском. Один держал телефон, второй уже положил руку на короткоствольный автомат, пока ещё не вскидывая его. По тому, как спокойно они заняли дорогу и не суетились, было ясно: пришли не спасать и не разбираться. Такие приходят брать под контроль то, чего сами до конца могут и не понимать.

Левее, чуть ближе к границе замерли ещё двое. Обычные куртки, обычные лица. Но Настя почувствовала их раньше, чем разглядела. От них тянуло тем же, что от Тихона, только сильнее: ложью, искажением, сладким привкусом чужой воли. Слуги Морока. Как обычно, в чёрном. Да и люди ли они — никто не знал.

А справа, с академической стороны, уже выходили Радомира, Силыч, Гордей и ещё двое наставников. Быстро, осторожно, стараясь взять Тихона в клещи.

Все увидели друг друга почти одновременно.

Тихон дёрнулся и прижал свёрток к груди крепче. Люди у внедорожника подобрались. Один из слуг Морока шагнул вперёд. Радомира ускорила.

— Тихон! — крикнула Настя.

Он вскинул голову — и в лице его проступило такое мучительное облегчение, что у неё сжалось горло.

— Настя...

А потом взгляд метнулся к слугам Морока, и его переклинило обратно.

— Нет. Мне надо дальше. Мне сказали — только отдать, и всё закончится. Просто заберегите это из головы!

Один из людей в чёрном шагнул к нему ещё ближе.

— Иди сюда, Тихон, — сказал он почти ласково. — Осталось совсем чуть-чуть.

Обычный голос. Именно поэтому стало так мерзко и одновременно зябко.

Радомира ударила первой. Не руками — заклятием: вскинула руку, и между стволами вспыхнула алая руна — узкая, острая, как молния, вычерченная прямо на воздухе. Она не сверкнула — прорезала просвет насквозь. Слугу Морока сорвало с места и швырнуло в сторону, а знак ещё секунду горел в воздухе красным светом, прежде чем осыпаться искрами. В ту же секунду человек у внедорожника рванул оружие с ремня.

Тихон всхлипнул и кинулся не к своим и не к Мороку — к человеческой стороне. Как зверёк, который ищет самый простой путь спасения.

Артём догнал его первым.

Он шёл низко, резко, почти без лишних движений. В один прыжок влетел Тихону в бок и сбил его у самой границы полога. Тихон вскрикнул. Свёрток вылетел у него из рук.

Краем глаза Настя увидела, как Артём резко развернулся ко второму чёрному и вскинул руку — коротко, будто резанул воздух. Между ними вспыхнула руна — алая, косая, с рваными пересечениями, словно выдранная из самой ткани Яви. Она ударила в ту же секунду. Чёрного отшвырнуло в сторону, а рунный след ещё миг дрожал в воздухе, осыпаясь тусклыми искрами.

Этой секунды Насте хватило: она рванула за свёртком.

Другой слуга Морока оказался быстрее, чем она ожидала. Он почти схватил край свёртка, когда она врезалась в него плечом. Они оба поскользнулись на мокрой траве. Тварь в человеческом теле без всякой магии просто ударила локтем в лицо. Настя успела чуть отвернуться, и удар пришёлся в висок. Перед глазами полыхнуло искрами.

Амулет на груди обжёг жаром.

Не думая, она рванула свёрток со свитком на себя. Ткань хрустнула. Связка берестяных листов ткнулась ей в ладони жёстким торцом.

Сзади кто-то схватил её за плечо. Она дёрнулась, развернулась — второй чёрный. На пальцах у него дрожала тонкая тёмная рябь, будто воздух там подгнивал.

— Отдай, — сказал он тихо. Почти дружелюбно.

— Пошёл к чёрту!

Тёмная рябь сорвалась с его руки, но ушла мимо — в берёзу за спиной. Кора сразу почернела широким пятном, дерево покачнулось и переломилось в этом месте.

Силыч возник рядом будто из-под земли. Короткий удар посоха — и из набалдашника рванул тёмно-золотой рунный отблеск. Чёрного швырнуло в кусты. Второй рванулся не к дороге, а снова к Насте, ещё пытаясь дотянуться до Свода, но лес вдруг выставил ему поперёк шага толстый корень, которого секунду назад не было. Тот споткнулся, и сверху его накрыл заклятием Гордей.

У внедорожника тоже всё пошло не по плану пришлых. Радомира отбросила одного из людей к дверце машины. Второй вскинул оружие, но выстрелить прицельно не успел: ель качнулась, ветка со всего маха хлестнула его по лицу, и выстрел ушёл в сторону. Он выругался, отступая к дороге.

Артём уже стоял на коленях над Тихоном, прижимая его к земле. На щеке у него алела свежая ссадина, в волосах застряла хвоя. Тихон дёргался, как в лихорадке.

— Всё-всё, — хрипло сказал Артём. — Хватит.

И странное дело — именно этот голос до Тихона достучался. Он обмяк, зажмурился и заплакал. Беззвучно. По-настоящему.

Настя только теперь поняла, что держит Свод у груди так крепко, словно это не береста, а чьё-то горло.

* * *

Гордей с ещё одним наставником оттеснили чёрных к редким соснам. Люди из внедорожника пятились к машине — растерянно, почти в панике от того, во что не верили ещё час назад. Лес продолжал давить.

Настя выдохнула.

Свод был у неё в руках. Тихон — живой, едва стоящий — висел между Силычем и Артёмом. От чёрных отбились. Людей с оружием отогнали. Академия держала самый сильный полог.

Артём перехватил взгляд Насти.

Она почти улыбнулась.

Почти.

— Свод, — негромко потребовала Радомира.

Настя протянула свёрток. Радомира приняла его обеими руками и впервые за всё утро чуть выдохнула. Настя почувствовала то же самое — короткое, тёплое: успели. Вернули.

Потом Радомира развернула ткань.

И остановилась.

Стояла и смотрела — не с испугом, а с тем холодным лицом, каким смотрят на ловушку, когда она уже сработала.

Настя заглянула через плечо — и увидела всё сама.

Один лист был вырван. Свежий рваный край — значит, не в Хранилище, там бы заметили сразу. В лесу. Пока они гнались. Пока дрались. Когда Свод хоть на миг оказался не в тех руках.

Настя коснулась кромки. На внутренней стороне соседнего листа, у самого края, темнела почти стёртая помета: тонкая карандашная черта, две крошечные буквы и едва заметный штрих. Не знак хранителей. Не служебная помета Хранилища.

Пальцы у неё похолодели.

Она знала этот почерк. Не по буквам даже — по манере. По тому, как штрих в конце чуть уходит вверх, будто рука всегда спешит быстрее мысли. Так мать помечала полевые папки. Так подписала ей когда-то книгу: *читать отсюда*.

— Это мамина пометка, — выдохнула она.

Радомира подняла взгляд.

— Уверена?

— Абсолютно.

И в ту же секунду стало ясно самое страшное. Свод выкрали не только чтобы ослепить Академию. Они заранее знали, какой лист нужен. Знали про материну пометку. Знали, какой путь она наметила против Морока.

Значит, они знали про мать больше, чем знала сама Настя.

Глава 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.